

*Доктору Шэнку
С нами всегда было просто*

ПРОЛОГ КОРТАСАР

Без малого три десятка лет миновало с тех пор, как Паоло Кортасар с флотом беглецов прошел врата Лаконии. Хватило времени построить небольшую цивилизацию, город, культуру. Хватило времени убедиться, что инженеры чужаков предназначали протомолекулу в мостостроители. Они забросили ее в пространство как семя — пусть прорастает на любой подвернувшейся органике и создает врата-кольца, маленькую вселенную, ступицу колеса миров. До их гибели медленная зона с ее кольцами была сердцем империи, превосходящей человеческое воображение. И станет ею снова. Маленький механизм для постройки мостов вывел человечество на простор, изменил все.

Не то чтобы Паоло интересовало человечество в целом. Ему все заслонила протомолекула и открытые ею технологии. Протомолекула изменила не только окружающую вселенную, но и самого Кортасара, его профессию. Десятки лет им владела одна мания. Последний его любовник в ссоре, которая привела к разрыву отношений, кричал, что Паоло *влюблен* в протомолекулу.

Спорить не приходилось. Паоло так давно не испытывал ничего похожего на любовь к человеческому существу, что забыл, каково это. Все его время занимала протомолекула и мириады выросших из нее научных прозрений.

Целой жизни не хватит разобраться, как она взаимодействует с другими артефактами и технологиями чужаков. Паоло не оправдывался за свою страсть. Знание, вырвавшееся из этого крохотного и прекрасного семечка, было подобно вечно расцветающему розовому бутону. Ничего прекраснее никогда не существовало и не могло существовать. Любовник не сумел такого принять, а значит, их разрыв был неизбежен — задним числом это очевидно. Паоло по нему скучал — довольно абстрактно. Как скучают по паре сношенных ботинок.

Но в его жизни нашлось так много других чудес.

На экране разрасталось углеродное кружево, разворачивалось в сложные затейливые узоры. При подходящих условиях и среде роста протомолекула по умолчанию начинала строить такие кружева. Получившийся материал оказывался легче карбонного волокна и прочнее графена. Отдел технологии при военсовете Лаконии просил изучить возможности его применения для пехотной брони. С инженерной точки зрения склонность пленки вступать в устойчивую связь с кожей человека вызывала затруднения, но как это было красиво!

Паоло подправил чувствительность электронного потока и плечами подался к монитору, наблюдая, как протомолекула подхватывает свободные атомы углерода и аккуратнo, как увлеченный игрой ребенок, вплетает их в сеть.

— Доктор Кортасар...

Паоло в ответ только хмыкнул, отмахнувшись — на любимом языке этот жест говорил: «Подите прочь, я занят».

— Доктор Кортасар! — Второй раз это прозвучало настойчивей.

Паоло оторвался от экрана, оглянулся. Бледнокожая личность неопределенного пола в лабораторном халате, с большим ручным терминалом в руках. Кажется, Катон? Или Кантон? Кантор? Что-то в этом роде. Один из армии

лаборантов. Помнится, компетентный. Но за то, что сейчас оторвал от работы, ему достанется. Судя по нервозности Катона-Кантора-Кантона, тот это прекрасно понимал.

Лаборант, не дав ему слова сказать, заспешил:

— Директор просил вам напомнить, что у вас встреча. С... — он понизил голос почти до шепота, — с ним. С Ним.

Речь шла не о директоре. «Он» с большой буквы мог означать только одного человека.

Паоло выключил дисплей и, убедившись, что мониторинг записывается, встал.

— Да, конечно, — сказал он. И, в порядке работы над собой, добавил: — Спасибо. Кантор?

— Катон, — с облегчением отозвался лаборант.

— Конечно. Передайте директору, что уже иду.

— Мне велено вас проводить, доктор. — Катон постукивал по сенсорам терминала, словно искал этот пункт в списке.

— Конечно. — Паоло стянул пиджак с вешалки у двери и вышел.

Лаборатория биоинженерии и наноинформатики при Лаконском университете была крупнейшей на планете. А возможно, и в пределах всего человечества. Университетский кампус раскинулся на добрых сорок гектаров столичной земли. И четверть его площади занимала лаборатория. Все на Лаконии строилось на вырост, больше, чем нужно из расчета нынешнего населения. Для будущих поколений.

Паоло торопливо шагал по гравийной дорожке, поглядывая на ходу в нарукавный монитор. Катон поспешал за ним вприпрыжку.

— Доктор, — позвал лаборант, указывая в обратную сторону, — я подогнал вам карт. На парковку С.

— Перегоните к боксу, у меня там еще одно дело.

Катон помедлил, разрываясь между прямым приказом и ответственностью чичероне.

— Да, доктор, — и он убежал за машиной.

Паоло, не замедляя шага, пролистал список дел на день, убедился, что ничего не забыл, и, одернув рукав, поднял глаза к небу. День был хорош. Лаконская небесная лазурь с редкими ватками облаков. Явственно просматривались массивные структуры орбитальной строительной платформы, длинные выросты штанг и пустоты между ними напоминали огромную схему олигонуклеотида.

Тихий ветерок донес запах горелого пластика: местный аналог грибов разбросал то, что у него сходило за споры. Тот же ветерок перекинул через тропинку длинные плети дудки. Хрустики — занимавшие здесь ту же экологическую нишу, что и земные сверчки, и даже морфологически на них похожие — зашипели на проходящего мимо человека. Паоло понятия не имел, отчего растение назвали «дудкой». Если на то пошло, оно больше напоминало вербу. А обзывать хрустикой подобие четырехногих сверчков — еще глупее. В наименования местной флоры и фауны ученые не вмешивались. Имена раздавались наугад, пока не достигался консенсус. Паоло это раздражало.

Бокс выделялся среди зданий лаборатории. Его стены составляли сплошные пластины ударопрочной брони, сваренные под прямым углом в темный металлический куб со стороной двадцать пять метров. У единственного входа стояли по стойке смирно четверо солдат в легком снаряжении и с винтовками.

— Доктор Кортасар, — поздоровался один, протягивая руку универсальным жестом: «Стой!»

Паоло вытащил из-под рубашки подвешенное на шнурке удостоверение и протянул охраннику, чтобы тот вста-

вил его в ридер. Затем солдат приложил ридер к запястью Паоло.

— Хороший денек, — любезно заметил он, пока машинка сравнивала удостоверение с метриками организма и составом белков.

— Хороший, — согласился Паоло.

Машинка звякнула, подтверждая, что он и вправду Паоло Кортасар, президент Лаконского университета и глава кафедры экзобиологии. Солдат знал ученого в лицо, но для соблюдения ритуала имелось множество оснований. Дверь поехала в сторону, четверо охранников отступили с дороги.

— Всего хорошего, доктор.

— Вам также, — бросил Паоло, входя в шлюз.

Стена зашипела, обдавая его воздухом из сопел. Сенсоры на противоположной стене улавливали молекулы взрывчатых веществ, инфекции, а может, и дурные намерения.

Очень скоро шипение прекратилось, внутренняя дверь отошла в сторону. И только тогда Паоло услышал стоны.

Бокс — так все называли этот куб, хотя официального имени у него не было — не зря уступал в уровне безопасности лишь одному зданию на Лаконии. Паоло держал здесь свое молочное стадо.

Название закрепилось после давней ссоры с отставным любовником. Тот хотел его оскорбить, но сравнение получилось точным. В боксе доживали остаток жизни люди и животные, преднамеренно зараженные протомолекулой. Как только инопланетная нанотехнология присваивала их клетки и начинала воспроизводиться, Паоло получал возможность выкачивать жидкости из зараженных тел и отфильтровывать из тканей матрицы все необходимое. Использованные тела можно было кремировать, не теряя ничего существенного. Здесь имелось двадцать

четыре отсека, но в данный момент заняты были всего семнадцать. Когда популяция возрастет, больше станет и материала.

Великие замыслы Лаконии опирались на технологии, оставленные после себя чужаками. Хотя протомолекула не задумывалась как универсальный контролирующий интерфейс, некоторые модификации позволяли использовать ее в таком качестве. В обязанности Паоло входила поставка активных образцов. В числе прочего.

По дороге к расположенному в глубине здания кабинету он задержался на мостках через один из отсеков. Внизу вдоль помятых металлических стен бродило полдюжины человек на ранних стадиях инфекции. Эти еще пребывали в фазе псевдогеморрагической лихорадки — лаборанты звали таких «блевунами». Они только и могли, что шаркать по отсеку, периодически заливая его рвотой. Так протомолекула обеспечивала себе быстрое распространение. Освободив отсек от тел, стены и полы продезинфицируют пламенем горелки.

В истории лаборатории значился лишь один случай непреднамеренного заражения, и Паоло не собирался допускать новых.

Глава бокса, заместитель Паоло, доктор Очида, завидев его издалека, бросился навстречу.

— Паоло! — Очида дружески хлопнул начальника по плечу. — Очень вовремя. Мы час как закончили извлечение ствольных культур, инъекции почти готовы.

— Этот мне знаком? — заметил Паоло, кивнув на волосатого, мускулистого мужчину в отсеке.

— М-м? А, этот... кажется, он из охраны. В сопроводительных документах значилось: «служебная халатность». Может, заснул на посту?

— Ты их проверил? — спросил Паоло.

Волосач в клетке его не особо интересовал, ответ Очида вполне удовлетворил любопытство.

Очида не сразу сообразил, что вопрос возвращает их к прежней теме.

— О, да. Образцы я проверил трижды. Лично.

— Я отсюда прямо в государственный совет. — Паоло обернулся, чтобы заглянуть Очиде в глаза.

Ассистент отлично знал, о чем речь.

— Понимаю. Инъекции полностью соответствуют заданной вами спецификации.

Оба хорошо понимали: случись что, они сами окажутся в боксе. Они ценные сотрудники, но ответственность их не обойдет. Она не обходит никого. Это Лакония.

— Отлично. — Паоло улыбнулся с дружелюбием, которого в себе не находил. — Я их сейчас и заберу.

Очида махнул кому-то в угловой комнате — подбежала лаборантка с серебристым металлическим чемоданчиком. Передав его Паоло, она сразу ушла.

— Что-нибудь еще? — спросил Очида.

— Прорастают поразительно быстро. — Паоло указал на костяной шип, торчащий из позвоночника волосатого мужчины.

— Да, — согласился Очида, — почти созрели.

Издавна работая с Уинстоном Дуарте, Паоло находил в нем много достойных восхищения черт. Верховный консул был умен, поразительно быстро схватывал суть сложнейших вопросов и при этом сохранял взвешенность и продуманность решений. Дуарте ценил чужие советы, но, собрав всю информацию, проявлял решительность и твердость. Он обладал теплой харизмой, и никто не ловил его на фальши или неискренности.

Но больше всего Паоло ценил в нем простоту. Человек меньшего масштаба, попав на пост абсолютного военного диктатора целой планеты, окружил бы себя помпезным блеском. А Дуарте построил здание государственного совета Лаконии. Тяжеловесное каменное строение возвышалось над столицей, но умудрялось выглядеть скорее уютным, нежели устрашающим. Его надежность и простор наводили на мысль, что там идет важная работа, решаются серьезные проблемы. И никто в нем не возвеличивает самое себя.

Катон подвез Паоло к парадным дверям. Их маленький карт был единственным на широкой улице. Дорога упиралась в высокую каменную стену, в узкие ворота с постом охраны. Выбравшись из карта, Паоло прихватил блестящий чемоданчик.

— Ждать меня не надо, — обронил он.

Лаборант, с тех пор как подобрал его у бокса, не заговаривал и обрадовался разрешению удалиться.

— Да, доктор. Звоните, если...

Но Паоло уже отошел. За спиной взвизгнул электромотор отъезжающего карта.

Узкие ворота открылись, и двое солдат с поста молча пристроились к Паоло по бокам. Они не походили на легко вооруженную охрану бокса. На этих была силовая броня из композитных пластин и разнообразное оружие. Синий цвет их снаряжения соответствовал цвету лаконского флага, и украшала его та же пара стилизованных крыльев. Феникса, как считал Паоло, хотя они могли принадлежать и любой хищной птице. Смертоносная военная машинерия плохо вязалась с этим приятным для глаз цветом. Единственными звуками, сопровождавшими всех троих на пути к дверям здания, были их шаги по мостовой двора и тихое гудение силовой брони.

У дверей охранники оставили Паоло и разошлись по сторонам. Паоло почудился щелчок рентгеновского аппа-

рата — миллиметровые волны ощупали его с головы до пят. После долгой паузы один из солдат подал голос:

— Верховный консул ждет вас в медицинском крыле, — после чего охранники развернулись и ушли к воротам.

— Строго говоря, да, сновидения прекратились, — рассказывал Дуарте, пока Паоло подключал катетер к его локтевой вене и вставлял трубку. Он привык к тому, что Дуарте старается отвлечься, чтобы не смотреть на входящую в тело иглу. Как трогательно: самый могущественный человек во вселенной побаивается уколов!

— В самом деле? — Это был не праздный вопрос. Необходимо отслеживать побочные действия небывалого эксперимента. — Давно?

Дуарте вздохнул и прикрыл глаза. То ли уже подействовала релаксирующая микстура в крови, то ли вспоминал точную дату, то ли то и другое вместе.

— Последний раз я видел сон одиннадцать дней назад.

— Уверены?

— Да, — не открывая глаз, улыбнулся Дуарте. — Уверен. Я в последний раз спал одиннадцать дней назад.

Паоло чуть не выронил трубку капельницы.

— Вы не спали одиннадцать суток?

Дуарте наконец открыл глаза.

— Я совсем не чувствую себя усталым. Наоборот. С каждым днем ощущаю себя здоровее и энергичнее. Это, конечно, побочный эффект.

Паоло кивнул, хотя такого он не предвидел. В животе заворочалось беспокойство. Если возникают сюрпризы подобного масштаба, что еще может произойти? Он уговаривал Дуарте дожидаться уточненных данных, но разве этого человека остановишь, когда он рвется вперед?

— Вижу, как вы смотрите, дружище, — еще шире улыбнулся Дуарте. — Не стоит волноваться. Я сам веду наблюдения. Будь что-то не в порядке, позвонил бы вам еще на прошлой неделе. Но самочувствие фантастическое, никакой интоксикации утомления, и анализы крови показывают отсутствие психотизации. А у меня теперь остаются лишние восемь часов в сутки на работу. Я счастлив как никогда.

— Конечно, — промычал Паоло. Он уже подключил к системе состав с культурой человеческих стволовых клеток, модифицированных протомолекулой. Дуарте тихонько ахнул, когда охлажденная жидкость потекла в вену. — Но прошу вас не забывать: такие подробности нужно сообщать сразу, даже если они вас не беспокоят. Опыты на животных никогда не дают полной картины, а из людей вы первый испытываете состав на себе. Отслеживание его воздействия чрезвычайно важно для...

— Буду сообщать, — перебил Дуарте. — Я несколько не сомневаюсь, что ваша лаборатория все проделала как положено. Но скажу личному врачу, чтобы он пересылал вам ежедневные наблюдения.

— Благодарю вас, верховный консул, — отозвался Паоло. — Я возьму у вас кровь, дам своим людям на проверку. На всякий случай.

— Делайте все, что считаете нужным, — разрешил Дуарте, — только наедине, пожалуйста, не зовите меня «верховным консулом». Хватит и «Уинстона». — Говорил он не совсем внятно, седативные начали действовать. — Я хочу, чтобы все мы трудились сообща.

— Мы и трудимся сообща. Но телу нужен мозг. Лидер, да? — Когда мешок капельницы опустел, Паоло из той же иглы набрал немного крови и спрятал образец в металлический чемоданчик, после чего перешел к полному сканированию тела. Организм Дуарте уже начал отрацивать новые органы, разработанные передовыми физиологами

планеты на основе уроков, извлеченных из вечного цветения протомолекулы. Но слишком многое могло пойти не так, поэтому главной работой Паоло был контроль изменений в теле Дуарте. При всей его теплоте и искреннем дружелюбии, случись что с правителем Лаконии, Паоло проживет недолго. Связав безопасность Кортасара с собственной безопасностью, верховный консул обеспечил неподдельное усердие ученых. Оба это понимали, без обид. Казнь Паоло не была бы даже наказанием. Просто напрашивающейся мерой по предотвращению смерти пациента.

Пожалуй, более честных отношений в жизни Паоло не случилось.

— Знаете, Уинстон, процесс ведь будет долгим. Мелкие нарушения равновесия могут сказаться только через годы. Или десятилетия.

— Или века, — кивнув, подхватил Дуарте. — Совершенство недостижимо, я понимаю. Но мы делаем что можем. И нет, дружище, простите, но я не передумал.

Паоло задался вопросом, не входит ли в число побочных эффектов способность к чтению мыслей. Если так... это было бы любопытно.

— Я не намекаю, что...

— Что вам тоже следует испытать средство на себе? — опять перебил его Дуарте. — Конечно, намекаете. Вы и должны так думать. Доказывать всеми силами. Сомневаюсь, что вам удастся меня переубедить, хотя мне бы очень этого хотелось.

Паоло потупился, избегая взгляда Дуарте. Ему было бы легче принять вызов. Тоска в голосе правителя тревожила его, потому что не поддавалась объяснению.

— Какая ирония! — продолжал Дуарте. — Я всегда отвергал идею великой личности. Веру, что историю человечества определяют не общественные силы, а отдельные индивиды. Звучит романтично, однако... — Он вяло пома-

хал рукой, словно разгоняя туман. — Демографические тренды, экономические циклы, технический прогресс... Все это значит много больше, чем отдельная личность. И вот я... Поймите, я бы взял вас с собой, если бы можно было. Тут решаю не я. Это выбор истории.

— Истории следовало бы передумать, — сказал Паоло. Дуарте хихикнул.

— Между нулем и единицей разница в чудо. Но она чудом и останется. А доведите ее до двух, трех, сотни — возникнет очередная олигархия. Вечный двигатель неравенства породит войны, с которыми мы стремимся покончить.

Паоло издал невнятный звук, который можно было по ошибке принять за согласие.

— Лучшими правителями в истории бывали короли и императоры, — вел свое Дуарте. — И худшими тоже. Король-философ за время жизни способен совершить великие дела. А его внук может пустить все на ветер.

Дуарте крикнул, почувствовав, как игла катетера выходит из вены. Паоло не стал прикрывать ранку — отверстие затянулось сразу, не выпустив ни капли крови. Даже следа не осталось.

— Если хочешь создать долговечное, стабильное общество, — заключил Дуарте, — в нем может быть только один бессмертный на веки веков.

ГЛАВА 1

ДРАММЕР

Жилое кольцо перевалочной станции Лагранж-5 в три раза превосходило диаметром то, в котором полжила назад Драммер жила на Тихо. Размером ПСЛ-5 тянула на маленький городок, а в остальном те же стены под мрамор в мягком освещении полного спектра, те же койки-амортизаторы и душевые с водоснабжением. Воздух вечно пахивал терпенами: не станция, а самая огромная на свете хризантема. Центральный купол располагал причалами на сотни кораблей, а чтобы заполнить склады, пришлось бы выжать Землю, как питьевую грушу. Все причалы и склады сейчас простаивали, но только до завтра. Завтра ПСЛ-5 приступала к работе, и Драммер, вопреки усталости и досаде на необходимость тащиться через всю систему, чтобы перерезать ленточку, ждала открытия не без волнения. Мать-Земля после трех десятилетий борьбы за выживание снова в деле.

Планета мерцала на стенном экране в завитушках высотных облаков и проблесках все еще зеленоватого океана. Подползал терминатор, натягивал за собой одеяло темноты с огоньками городов. Вокруг плавали корабли коалиции Земля — Марс — темные точки, разбросанные над воздушным океаном. Драммер не особо любила бывать внизу, а теперь, после подписания договора от лица Союза, и не побывает. Оно и к лучшему. И без